

Душа народа

Когда думаешь о творческом облике латышского Академического театра драмы, каким он предстал перед нами в дни декады, то прежде всего ощущаешь ту подлинно народную основу, которая питает искусство этого крупнейшего театрального коллектива республики. Да, именно в синтезе национальных традиций, живого ощущения народного быта и характера с высоким профессионализмом, богатейшей театральной культурой, столь родственной достижениям русского сценического реализма, — именно в этом единстве и рождается своеобразный и обаятельный почерк театра.

Но особенно существенно то, что спектакль латышей объединяет единая внутренняя тема, которую утверждает театр. Это тема судьбы народа, красоты его души, тема непреодолимого стремления народа к счастью. Три спектакля, поставленных А. Амтманом-Бриедотом, и представляются нам в этом смысле наиболее показательными.

...Потемневшие от времени, несокрушимо прочные бревна улеглись в мощный сруб. Узкое окошко прорублено в толще стены. А из окна льется свет — золотистый свет ясного осеннего дня. Там, за стенами дома Ванаса, владельца хутора «Бривини», земля — прекрасная «земля зеленая», раздвинная на клочки жадными руками «серых баронов» — латышских кулаков.

Спектакль «Земля зеленая», поставленный по авторской инсценировке романа Андрея Упита. — это эпический рассказ о простых людях. И хотя в центре сценического повествования история кулацкой семьи Бривиней, главное здесь — жизнь батраков, исполнителей, слуганок на хуторе, всех тех, кто вынужден продавать свой труд и кому не было и не могло быть счастья до той поры, пока землей владела Ванаса.

В Ванаса, каким его изображает Ян Осис, нет ничего от дурной социологии, от той примитивной, ходульной схемы, к которой иногда еще прибегают театры, показывая представителей враждебного мира. Есть в нем «широта натуры», умеет он — если нужно — тряхнуть кошельком. Однако и для него превыше всего расчет, дороже всего хрусткие бумажки. Нет, он не алкодей, он может и позаботиться о своих батраках, но любит он их так, как хороший хозяин любит рабочую скотину.

«Земля зеленая» — сложный, многоликий, эпически неторопливый спектакль. Можно догадаться, как трудно было найти расстановку персонажей в общей системе образов. Но удивительная точность режиссерского замысла и тот композиционный талант, который так отличает все, сделанное Амтманом-Бриедотом, позволяли эту трудность преодолеть. Здесь каждому голосу дано прозвучать, каждый образ несет мысль, имеет свою подготовленную кульминацию. Именно поэтому так блистает спектакль актерскими удачами, среди которых в первую очередь хотелось бы отметить работу В. Лие, П. Цепурника, В. Силенкея, Э. Эзерия.

В спектакле множество бытовых подробностей, вещественных примет крестьянской жизни. Но это не мешает нам все время слышать главную тему — тему украденного счастья, отнятой радости труда. В рассказе о мире, где так много человеческих обид, горя и страданий, нет ни безисходности, ни тоски. Пусть театр только один раз выводит своих героев из темноватых жилищ, зритель все время не забывает: за их стенами — просторный мир, который ждет и, конечно, дожидается своих настоящих хозяев.

Но вот на сцену театра пришли солнце, цветы, песни и смех. «Дни портных в Силмачах» — это не просто «бытовые сцены», как назвал пьесу автор, классик латышской литературы Рудольф Блауман. В постановке Театра драмы — это народная комедия, которая с песенной простотой и мудростью рассказывает о чувствах подлинных и непоборимых, о том, что счастье куда дороже богатства.

Богатая хозяйка «Силмачей» — Антония у О. Лейсакса не просто идет замуж из прихоти. Эта цветущая сорокалетняя женщина переживает свое «бабье лето», позднее пре-

тенье вдовьей любви. Но в то же время ей ничего не стоит сказать: «Я беру за себя Алексиса!». Да, владелица хутора берет этого красивого молодого батрака, берет потому, что может себе позволить роскошь избрать в мужья бедняка...

Снова, как и в «Земле зеленой», спектакль многолюден. Снова радует своими многочисленными актерскими удачами. С удивительной щедростью таланта, озорно и по-человечески мудро играют старух артистки А. Клинт, М. Шмитхен и Э. Эзерия. А сценический дуэт артистов К. Страндера и А. Янушана, играющих подростками Поистине, это был бы концерт актерских талантов, если бы режиссер не подчинил спектакль его главной теме, если бы он не выветрил изнутри красоту души своих героев, красоту души народной.

«Цеплис» — третий спектакль о прошлом Латвии из числа показанных в Москве. Опять перед нами инсценировка, и такая, в которой образы, в сравнении с романом П. Розита, пожалуй, выиграла в силе своей типизации.

С первой же сценой спектакля выступаем мы в мир, где каждый готов пожать каждого. В отдельном кабинете ресторана «Дух возрождения» на стилизованном панно в лютой схватке сцепились в воздухе два стервятника. Таково образное, почти символическое изображение мира, где хищники — мелкие, средние, крупные — пребывают в непрерывной борьбе за наживу. Побеждает сильнейший, причем сила определяется величиной капитала, масштабом подлости, размерами бессовестности и цинизма. Именно по всем этим признакам первое место принадлежит Цеплису.

Нам думается, что исполнение Яном Осисом роли Цеплиса будет единодушно оценено как одно из самых высоких актерских достижений декады. Сила мастерства Осиса такова, что герой его становится интересен вам решительно во всем. И это происходит потому, что в образе отложилась, сконцентрировалась страшная правда о силе, враждебной народу. Стремление подчинить себе политику, животную грубость потребностей и всепожирающая сила вожделения — вот Цеплис. В нем все человеческое отмерло, как отмирает то, что не нужно, что мешает. Ему важно и интересно только одно — деньги.

Стремителен, беспокоен ритм спектакля. Перед нами жизнь суетливая, нечистая, призрачная. С абсолютной наглядностью показал нам театр, на каких глиняных ногах держится буржуазный «стопп» — Цеплис, как он, в сущности, слаб, как зависим от исторической конъюнктуры. Вот Цеплис уезжает на раут во дворец президента. Ему сегодня будет неугодно в роскошном лимузине, — в городе забастовки, рабочие вышли на улицу. И он просит шофера ехать окружным путем... Да, мы, по существу, не знакомимся с теми, кого Цеплис так боится (их нет и в романе), но мы видим воочию его страх перед завтрашним днем.

Но вот в финале спектакля прорывается и шемшей душу нотой звучит тема безработицы, тема безысходной нищеты тех, над кем стоят «цеплисы». В роскошный кабинет Цеплиса приходит жена бухгалтера Цауне (Б. Индриксон). Она пришла, чтобы просить за неминуемо осужденного мужа, пришла откуда-то с рижской окраины, из мира «доходных домов» и ежедневной борьбы за кусок хлеба. Но гордо бросает она деньги, которые сулил ей Цеплис, — и это воспринимается, как вызов, как взлет чистой и свободной души.

Да, в этом театре любят народ, знают его. Здесь не хотят признать простого человека снисходительной жалостью или беспроблемным умирлением. Здесь стремятся раскрыть главное в человеке, то, что формирует самую сердцевину его характера. Именно поэтому так жалеешь, что в дни декады мы не увидели спектакля, где талантливый коллектив латышского театра смог бы утвердить столь близкую ему тему народа в сценическом рассказе о наших днях.

В. ШИТОВА